

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
УРАЛЬСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ ПЕРВОГО ПРЕЗИДЕНТА РОССИИ Б. Н. ЕЛЬЦИНА

.....

ФЕНОМЕН ПОКОЛЕНИЙ
В РУССКОЙ И ВЕНГЕРСКОЙ
ЛИТЕРАТУРНОЙ ПРАКТИКЕ
XX–XXI ВЕКОВ

.....

М о н о г р а ф и я

Под общей редакцией
Ю. В. Матвеевой и Д. В. Спиридонова

Екатеринбург
ИЗДАТЕЛЬСТВО УРАЛЬСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА
2022

Санкт-Петербург
АЛЕТЕЙЯ
2022

УДК 82.091
ББК 83.3(0)6
Ф 42

Авторский коллектив:

А. В. Антошин (гл. 1), *А. С. Ахмадуллина* (гл. 18), *О. Ю. Багдасарян* (гл. 12),
Н. В. Барковская (гл. 13), *Л. П. Быков* (гл. 5), *Ю. П. Гусев* (гл. 14, 15),
М. А. Васильева (гл. 2), *С. Г. Дюкин* (гл. 17), *Ю. З. Кантор* (гл. 6),
Ю. В. Матвеева (предисловие, введение, гл. 3, 18, заключительное слово),
А. М. Меньщикова (гл. 9), *М. Н. Мосейкина* (гл. 7), *Е. Н. Проскурина* (гл. 4),
И. Регеци (гл. 21), *Ю. А. Русина* (введение, гл. 8), *Т. Сабо* (гл. 11),
Е. Г. Серебрякова (гл. 10), *Т. А. Снигирева* (введение, гл. 9),
Д. В. Спиридонов (введение, гл. 20), *А. А. Уразбекова* (гл. 22),
Э. Шиллер (гл. 16), *О. А. Якименко* (гл. 19)

Рецензенты:

доктор филологических наук *Т. Н. Красавченко*
(Институт научной информации по общественным наукам РАН, Россия);
PhD (филология) *Ж. Димеши*
(Научно-исследовательский и методический центр русистики
Университета им. Лоранда Этвеша, Венгрия)

Ф 42 Феномен поколений в русской и венгерской литературной
практике XX–XXI веков : монография / [А. В. Антошин и др.] ; под
общ. ред. Ю. В. Матвеевой, Д. В. Спиридонова. – Екатеринбург :
Изд-во Урал. ун-та ; Санкт-Петербург : Алетейя, 2022. – 444 с., ил.

ISBN 978-5-00165-531-2 (Издательство «Алетейя»)

ISBN 978-5-7996-3500-8 (Издательство Уральского университета)

В монографии представлен опыт многоаспектного изучения литературных практик русской и венгерской культуры, в которых нашли отражение на разном формально-содержательном уровне самосознание и диалог поколений. Рассматриваются проблемы диалога разных поколений и диалога разных участников одного и того же поколения, показано соотношение индивидуальной, групповой и социальной идентичности в пределах границ одного поколения.

Книга адресована всем, кто интересуется историей, русской и венгерской литературой XX–XXI веков.

УДК 82.091

ББК 83.3(0)6

ISBN 978-5-00165-531-2

9 785001 655312

@biblioclub: Издание зарегистрировано ИД «Директ-Медиа» в российских и международных сервисах книгоиздательской продукции: РИНЦ, DataCite (DOI), Книжной палате РФ

© Антошин А. В. и др., 2022
© Уральский федеральный университет, 2022
© Издательство «Алетейя» (СПб.), 2022

в полный голос поэт Слуцкий зазвучал, когда перестал писать, говорить, а потом и жить.

Рядом с фамилиями каждого из поэтов, чьи стихи здесь процитированы, значатся две даты — рождения и ухода. Кто погиб на поле боя, кто подчинился непререкаемому императиву природы. Их жизнь длится теперь в их строчках, подтверждающих надежду поэта:

Может, это и не годится
и в распыл пойдет,
и в разлом.
Может, это еще пригодится
в двадцать первом и в двадцать втором (т. 3, с. 347).

Глава 6 ДИАЛОГ ПОКОЛЕНИЙ: «СЛОЖНЫЕ ВОПРОСЫ ИСТОРИИ» В ИНТЕРВЬЮ ДАНИИЛА ГРАНИНА

Несмотря на активное общественное (заметим — усилившееся в последние два десятилетия) и профессиональное внимание к творческому наследию Д. А. Гранина, следует констатировать, что рамки изучения и анализа его творчества, как у литературоведов, так и у историков, ограничены преимущественно военной и социальной прозой, сюжетами которой являются события XX века, а также произведениями, посвященными более ранним историческим периодам. Публицистическое же наследие Гранина, увы, остается в тени — несмотря на то, что в постсоветское время, особенно в последние полтора десятилетия, медиа-востребованность писателя была колоссальной. Причем, Гранин воспринимался значительной частью российского общества (и политической элитой) не только как «свидетель времени», но и как его нравственный камертон. Попытаемся наметить некоторые направления исследования этой,

---

Logos, 2000; О других и о себе. М. : Вагриус, 2005; Без поправок. М. : Время, 2006; Покуда над стихами плачут... М. : Текст, 2013.

весьма заметной страницы профессиональной биографии Даниила Гранина. Интервью в данном случае — способ выявить, вербализовать не только личные черты Гранина как писателя и человека, но и его идентичность поколенческую. Представляется, что именно диалоговая публицистика является принципиально важным материалом для анализа, позволяющим вскрыть мировоззренческие «доминанты» писателя и гражданина, их трансформации и, что существенно, — увидеть авторефлексию писателя. Даниил Гранин сознательно и последовательно противостоял тому, чтобы из него делали «икону», пророка или марионетку-символ. В интервью, анализируемых в данной главе, есть несколько сюжетов, раскрывающих как отношение Гранина к историческим событиям, современной политике, в том числе — «политике памяти», «сложным вопросам истории», так и его рефлексию на собственное профессиональное и личностное становление. Эти интервью и публичные выступления опубликованы в СМИ разной направленности: как в официально-государственных, так и в независимых.

Писателя всегда интересовала тема поиска в жизни человека — изобретателя, ученого, энтузиаста, строителя новой жизни. Многие из его книг именно об этом: «Победа инженера Корсакова» (1949), «Новые друзья» (1952), «Искатели» (1955). Ряд произведений посвящены ученым: «После свадьбы» (1958), хрестоматийное «Иду на грозу» (1962), повести о физиках-ядерщиках — «Выбор цели» (1975), биологах — «Эта странная жизнь» (1974), генетиках — «Зубр» (1987). Эти книги имеют философский и просветительский характер, ценны документальными подробностями.

Другой важной темой творчества Гранина была война. Его, фронтовика, волновали не сражения, а люди — женщины, дети, старики, которым выпала участь выживать на войне. Этому посвящены повести «Наш комбат» (1968) и «Клавдия Вилор» (1976). В соавторстве с Алесем Адамовичем была написана «Блокадная книга» (1982) — издание, стоящее особняком не только в творчестве Гранина, но и вообще в литературе о Второй мировой войне (о постсоветской судьбе «Блокадной книги» речь пойдет ниже). Теме «человек на войне», рефлексии на пережитое посвящен и роман «Мой лейтенант» с двойным «я» в авторском повествовании (2011). «Мой лейтенант» — это

Даниил Гранин²³⁴

не только воспоминания о Великой Отечественной войне с позиции Даниила Гранина, анализирующего многие факты и документы, ставшие известными в постперестроечный период. Прежде всего это попытка разобраться в себе молодом, каким он был в те годы, понять принципы, которыми руководствовался тогда, логику своих поступков²³⁵.

Практически все его произведения 2000-х написаны в жанре мемуаров. Книга-размышление «Причуды моей памяти» (2009), например, в форме кратких заметок, охватывающих промежутки времени с конца 1930-х годов до наших дней. В этих новеллах автору удалось передать «цементно-серую» атмосферу послевоенных 40-х годов и ее воздействие на человеческие судьбы. Жестко прорисованы и «штрихи к портрету» дня сегодняшнего. В 2014 году в «Лениздате» вышел роман «Человек не отсюда», в котором тесно переплелось художественное и документальное. Если в предыдущих книгах Гранин учит, как менять судьбу, то теперь он размышляет (без менторства и дидактики, но с четкими нравственными «рецептами»), как следовать ей и — приобретать опыт, оглядываясь назад.

В целом творчество Д. А. Гранина трудно поместить в рамки какого-то определенного временного периода или тематики. Начав литературные «опыты» еще до войны, студентом (его литературный дебют состоялся в 1937-м рассказами «Возвращение Руляка» и «Родина» о Парижской коммуне), он в разные периоды творчества обращался к самым разным сюжетам. Откликался на актуальные, востребованные временем (так было, например, с романами «Искатели»,

²³⁴ Фотография из фондов Культурно-просветительского центра Д. А. Гранина Библиотеки № 9 им. Даниила Гранина (Санкт-Петербург).

²³⁵ См.: Век Даниила Гранина : к 100-летию со дня рожд. Д. А. Гранина : Беседа о творчестве / Амур. обл. науч. б-ка им. Н. Н. Муравьева-Амурского ; сост. Е. А. Косяцина. Благовещенск : [б. и.], 2019. С. 29.

«Зубр», «Иду на грозу», ставшими литературными открытиями периода оттепели), благодаря чему Гранина стали воспринимать как «автора прозы нравственных исканий»²³⁶. Он погружался и в темы порой табуированные, ярчайший и трагический пример тому — мучительно-исповедальная «Блокадная книга». К дореволюционной истории России и Петербурга он обратился относительно поздно — на рубеже XX–XXI веков (так появляются «Вечера с Петром Великим»), а к военным сюжетам, среди которых «Мой лейтенант», — и вовсе в двухтысячные. Век Даниила Гранина — писательский и человеческий — вместил в себя огромное количество событий и судеб, фактов и жанров. Потому о нем невозможно говорить как о писателе — представителе фронтового поколения, уместнее обозначить военную тему как одну из перманентно присутствующих в его многогранном творчестве (начало было положено четырьмя рассказами цикла «Молодая война», опубликованными в 1989 году, хотя написаны рассказы в середине 1960-х). Эту «особость» в поколенческой парадигме отечественной литературы точно подметил И. Сухих: «Он уцелел как будто специально для того, чтобы в русской прозе двадцатого века остались романы „Иду на грозу“, „Бегство в Россию“, повести „Наш комбат“, „Эта странная жизнь“ и „Зубр“, „Блокадная книга“, эссе „Священный дар“ и „Страх“, а уже в веке двадцать первом — повесть „По ту сторону“, задуманная еще в конце шестидесятых, и книга „Изменчивые тени“, по страницам которой привольно гуляет сквозняк времени... Рассказы и повести принадлежат к лучшим страницам русской „лейтенантской прозы“, честной, простой и пронзительной. И теперь, размышляя уже о нынешних войнах, невозможно не учитывать опыт Даниила Гранина, писателя, упрямого гуманиста, одного из поколения „золотых ребят сорок первого года“»²³⁷.

Гранина всегда интересовал вопрос формирования идеологической системы. Системы, в которой он жил. Вот как в диалоге с журналистом он оценивает доминанту советской идеологии, «скрепы системы» с большой временной дистанции:

²³⁶ См., напр.: *Оскоцкий В.* Звенья памяти : К творческому портрету Даниила Гранина // Звезда. 1984. № 1. С. 190–202.

²³⁷ *Сухих И. Н.* Другая война: формула памяти // Гранин Д. А. По ту сторону. СПб. : Азбука, 2009. С. 17.

Рабская психология формировалась долго. Понадобился Террор, начиная с двадцатых годов, надо было высылать людей в Соловки, на Колыму, в Магадан, надо было раскулачить лучших крестьян, сослать их в Сибирь. Нужны были расстрелы дворян, оппозиции, спецов, а затем и беспричинные расстрелы во всех республиках, городах, надо было уничтожить миллионы и миллионы советских людей — это на их трупах вырос страх²³⁸.

Страх как тотальное явление, пронизывающее все сферы жизни, определяет ментальность типичного советского человека. На этом, по Гранину, базируются и взаимоотношения человека и власти в тоталитарном государстве. Власть и страх — два столпа с и с т е м ы. И обоснование длительности и живучести его — этого страха — сегодня. Гранин в интервью «Российской газете» (официальному органу российского правительства) говорит об опасных деформациях массового сознания, неизжитости рожденного в тридцатых годах страха в сегодняшних, постсталинских, даже — постсоветских поколениях. Этот посыл перекликается не только с его же эссе «Страх» (1997), но и с романом «Слепящая тьма» Артура Кестлера, также анатомирующим механизм укоренения страха в массовом и индивидуальном сознании. Гранин продолжает размышлять, ставить диагноз состоянию уже не советского, а российского общества. Без пафоса и аффектации. И — без умолчаний:

Чем гуще, тяжелее атмосфера страха, тем было для власти лучше. Страх тем временем стал стойким. Мы избавились от страха войны, страха капитализма и прочих наваждений. А вот страх доносительства, страх «органов» — от него никак не оправиться, он и поныне передается по наследству... Подозрительность осталась. Осторожность высказываний — сохраняется. Мы так свыклись с ложью — и нашей, и ложью властей, что она стала естественной. Мы остаемся готовыми к повиновению²³⁹.

---

²³⁸ Кантор Ю. Даниил Гранин: Сталин и страх — синонимы // Российская газета : [интернет-портал]. 05.03.2013. URL: <https://rg.ru/2013/03/05/granin.html> (дата обращения: 12.09.2020).

²³⁹ Кантор Ю. Даниил Гранин: Сталин и страх — синонимы.

Гранин, размышляя, «обнажает» ключевой тезис собственной поколенческой рефлексии: «Осторожность высказываний сохраняется. Мы так свыклись с ложью — и нашей, и ложью властей, что она стала естественной. Мы остаемся готовыми к повиновению. Это все осложнения от долгой болезни страха»²⁴⁰. Гранин в интервью сознательно не отделяет себя от своего же поколения, своей среды. Он предлагает беспристрастное наблюдение и жесткий самоанализ. И при этом не уклоняется от настойчивых вопросов интервьюера, лишь вербальным «колебанием» подчеркивает и собственную вовлеченность в вышеописанную систему координат. Однако, отвечая на эти вопросы, преодолевает ее:

— А отчего, на Ваш взгляд, с одной стороны, власть осуждает сталинизм, с другой — подыгрывает сталинистам?

— Юля, Вы перешли грань — это уже не история, а политика.

— Вы можете провести грань между историей и политикой?

— Ну хорошо... Созданную Сталиным систему страха им сегодня нечем заменить, не научились²⁴¹.

Гранина как писателя всегда интересовала тема свободы в экстраординарных ситуациях, так называемой свободы аффекта, и свободы в повседневности. Вторая — гораздо труднее. (Здесь особенно важно отметить, в том числе основываясь на собственном журналистском опыте, — Гранин, вычитывая интервью перед публикацией, никогда не вычеркивал «острые» фрагменты диалога, не стремился их смягчить.)

— Мои однополчане, бесстрашные люди, после войны не решались выступать со своим мнением, оспорить какого-нибудь инструктора райкома, отмалчивались, покорно поднимали руку, голосуя вместе со всеми.

— А Вы?

— И я... Ничем не лучше других. Внутренне возмущался, в крайнем случае в кругу друзей высказывался, и то осторожно. На фронте

²⁴⁰ Кантор Ю. Даниил Гранин: Сталин и страх — синонимы.

²⁴¹ Там же.

не трусил, здесь же, в мирных условиях, когда речь о жизни — смерти не шла, боялся²⁴².

Принципиально важное признание: фронтовик, прошедший ратный путь от Пулковских высот до Кенигсберга, даже войной не освобожден от оков страха, от оков смирения перед с и с т е м о й. Одним из драматических событий в жизни Гранина стала печально знаменитая история с журналами «Звезда» и «Ленинград», жертвами политической, идеологической травли стали тогда, в 1946 году, А. Ахматова и М. Зощенко²⁴³. Гранин вспоминал, как стоял в мокрой от дождя танкистской куртке и читал текст, еле разбирая печать на темном сыром листе... Потом, уже в 50-е годы, он был свидетелем, участником даже, судилища ленинградской писательской организации над Зощенко, который не стал каяться. Зощенко на встрече с английскими студентами сказал, что не согласен с обвинениями Жданова в 1946 году, прозвучавшими в постановлении о журналах «Звезда» и «Ленинград». И, вызванный вслед за этим на партийно-писательскую экзекуцию, нашел в себе мужество повторить: «Не согласен!», чем вызвал шок в зале. И — травму для тех, кто тогда промолчал, не защитил. Среди промолчавших был и сам Гранин. И он честно об этом рассказал. Без показного самобичевания, но и без всякой ретуши:

Зощенко не стал просить прощения, отказываться от своих слов. Понимаете?! Никому в голову не приходило, что он осмелится встать. Сил-то у него никаких не должно было оставаться, ни сил, ни духа — его же травили все эти восемь лет, с 1946-го по 1954-й. А они были, у этого невысокого, худого, больного человека... И закончил так: «Я не собираюсь ничего просить. Не надо мне вашего снисхождения». Зал оцепенел. И вдруг раздалось аплодисменты. Аплодировали два человека²⁴⁴.

---

²⁴² Кантор Ю. Даниил Гранин: Сталин и страх — синонимы.

²⁴³ См.: Кантор Ю. Час мужества пробил. 60 лет назад вышло постановление ЦК ВКП(б) о журналах «Звезда» и «Ленинград» // Российская газета : [интернет-портал]. 14.08.2014. URL: <https://rg.ru/2006/08/14/postanovlenie.html> (дата обращения: 12.09.2020).

²⁴⁴ Кантор Ю. Даниил Гранин: Сталин и страх — синонимы.

Так сложилось, что за несколько лет до той беседы с Даниилом Граниным, автор данной главы брала интервью у одного из этих двоих — тех, кто нашел в себе мужество не промолчать, кто посмел аплодировать. Это тоже фронтовик, ставший знаменитым драматургом, — Александр Володин. Он рассказывал, что аплодировать его заставила оглушающая тишина:

В 46-м году Жданов буквально убивал Зощенко хамством, враньем, партийностью. Это был, может, первый случай, когда я раз и навсегда решил — буду от негодеев в стороне. — И аплодировали Зощенко. — Дело было вот в чем. После ждановского постановления о журналах «Звезда» и «Ленинград», осуждавшего Зощенко и Ахматову, собрался весь партийно-писательский синклит. И должен был выступать Зощенко, каяться. А он не стал! Он перед этими подонками не извинялся. Гении рабству неподвластны. Заканчивая выступление, крикнул в зал: «Не надо мне вашего сочувствия, дайте мне спокойно умереть!» Этого крика, этих слов не забыть. Все жутко молчали. И тогда Израиль Меттер (писатель, сценарист. — *Авт.*) и я зааплодировали. В той слепой тишине²⁴⁵.

Гранин запомнил тогда урок убийственного молчания, молчания-соучастия, и интерпретировал его. Заметим, в романе «Заговор», написанном уже в постсоветское время и опубликованном в 2012 году, звучат горькие по интонации воспоминания о перипетиях военного времени, выпавших на долю его поколения, но куда горше звучит тема крушения надежд победителей на счастливую и безоблачную жизнь, тема возвращения с т р а х а. Автор не оставляет без пристального внимания и сегодняшнюю действительность, которая небезосновательно представляется ему далекой от идеала. Гранин бы не был Граниным, если бы оставил эту историю в закрытой зоне своей памяти, в глухой рефлексии. Он принял решение проанализировать случившееся, произвести детальный вербальный анализ знакового события. Писатель Гранин становится

---

²⁴⁵ Кантор Ю. Александр Володин: Жизнь — это такое воспоминание // Известия : [интернет-портал]. 18.12.2001. URL: <https://iz.ru/news/256020> (дата обращения: 12.09.2020).

искателем: ему нужно дословно «пережить» случившееся. Ему нужен текст — в самом буквальном смысле. И снова его интересует не только молчащее, а значит соучаствующее в моральном насилии большинство, но личность, противостоящая с и с т е м е. Его открытие было ошеломляющим. На авансцену и с т о р и и вдруг выходит «маленький человек», герой, который не замечен в том молчащем зале. Не аплодировавший, но сохранивший для Истории документальную п а м я т ь, подлинное свидетельство знакового события:

Много лет спустя я искал стенограмму выступления Зоценко. Ее нигде не было. Она была изъята. Вырвана из всех папок. Сколько я ни спрашивал у коллег-писателей, присутствовавших на том собрании, — никто не записал. Но нашелся один человек, который не побоялся (записать. — *Авт.*). Стенографистка, работавшая на том заседании. Она сохранила себе копию, хотя делать это было запрещено. Она передала мне стенограмму. Вы понимаете — тихая женщина, за маленьким столиком фиксирующая это судилище, оказалась мужественнее всех нас. Честнее²⁴⁶.

Следующий этап — самопознание. Прозрение, наступившее у смертельной черты. О возникших именно тогда сомнениях в том, что еще вчера как бы из чувства самосохранения казалось непреложным, в том, что г о с у д а р с т в о всегда право, что оно априори довлеет над человеком. О лингвистической и семантической разнице понятий г о с у д а р с т в о и о т е ч е с т в о. Освобождение от догмы, внедренной в сознание (да и в подсознание тоже) послереволюционному поколению огнем и мечом, пришло в буквальном смысле на линии между жизнью и смертью, на передовой, на Пулковских высотах:

Нами, нашим мясом просто затыкали фронт. Но вдруг оказалось, что передний край — это свобода. Он обнажает правду. Свобода мысли и возможность поступка — это тоже свобода. Нет давления власти. Я задумываться начал именно на Пулковских высотах, в промерзшем окопе²⁴⁷.

---

²⁴⁶ Кантор Ю. Даниил Гранин: Сталин и страх — синонимы.

²⁴⁷ Там же.

О работе памяти Гранин говорит весьма определенно. Он, часто приезжавший в Германию и до ее объединения, и после, сравнивает поколенческие тенденции формирования стереотипов. Он критичен и объективен. Вопрос о личной ответственности так и остался для него весьма болезненной темой. Гранин выговаривает в буквальном смысле это покаяние, он говорит уже о необходимости нам, сегодняшним, не дистанцироваться от прошлого, не отстраняться от ответственности. Уважать прошлое отнюдь не значит оправдывать его, но значит — знать его во всей полноте, даже с неприглядными, позорными страницами:

В Германии нет этой отстраненности от преступления власти. Германия проделала огромную работу по осознанию исторического прошлого на личном уровне. А мы, прошедшие через сталинизм, такой работы не провели. Мы не осмыслили свою личную ответственность перед прошлым. Эта отстраненность дает если не индульгенцию, то уверенность в невиновности. Готовность списывать личную ответственность на всякого рода исторические обстоятельства, делать ответственность коллективной — значит амнистировать самого себя...²⁴⁸

Россия и Германия в диалоге с общим прошлым — тема размышлений Гранина, многократно бывавшего и в ГДР, и в ФРГ до их объединения и после падения Берлинской стены. Конечно, принципиальным и незабываемым было и осталось: «мы» и «они». Отношение фронтовика-победителя, фронтовика-освободителя к немецкому народу, который пришел на его Родину с войной на уничтожение, трансформировалось от ненависти до примирения, не имеющего ничего общего с забвением. Он и сам назовет этот сложный, долгий и противоречивый процесс «излечением от ненависти»²⁴⁹. Эту тему писатель сделал стержнем своей мюнхенской лекции «Русские и немцы», прочитанной в переломном 1991-м. «Как менялись мои представления о немцах? Как складывались мои отношения с этим народом, этой страной? Это... часть моей жизни, история мучитель-

---

²⁴⁸ Кантор Ю. Даниил Гранин: Сталин и страх — синонимы.

²⁴⁹ Гранин Д. Излечение от ненависти // Общая газета. 1994. 9–15 дек.

ных вопросов, догадок, прозрений»²⁵⁰. И амплитуду отношений также описывает без эвфемизмов. Априори понятно каждому, кто родился в России, до войны или после нее: «Немцы, с которыми мы воевали, не имели различий, существовал безликий фашист, и он подлежал уничтожению»²⁵¹. И в итоге, 46 лет спустя после войны: «По какой-то причине большинство моих друзей и знакомых живет в Германии, по какой-то причине я чаще всего бываю именно здесь»²⁵².

Он действительно часто бывал в Германии, общался с немцами-фронтовиками, в интервью называя это общение «диалогом промахнувшихся»:

Когда я впервые приехал в Берлин после войны, я шел и видел немцев моего возраста и старше. Меня спросили — что вы чувствуете? И я ответил: «Чувствую, что это встреча промахнувшихся. Они в меня стреляли — промахнулись. И я — промахнулся». И надо было от этой боли, обиды переходить к нормальному человеческому общению. Это непросто, но необходимо — ненависть никуда не ведет»²⁵³.

И все же, освободившись от ненависти, невозможно, непросто забыть смертельную катастрофу войны и тех, кто стал ее причиной. И об этом, пряча за иронией жесткость оценки, писатель тоже говорит с журналистами, а через них — с обществом:

Когда я опустил немецкий орден, полученный от правительства ФРГ, в ящик, где лежат военные награды, все остальные ордена страшно возмутились! Очень уж им не понравился новый сосед. Судя по всему, ордена что-то лучше понимали, чем я»²⁵⁴.

---

²⁵⁰ Цит. по: Хлебников Б. Гранин и Германия. Излечение от ненависти // Гранин и Германия. Трудный путь к примирению : материалы конф., Санкт-Петербург, 24–25 сент., Берлин, 15 окт. 2019 г. М. : РОССПЭН, 2020. С. 56.

²⁵¹ Там же. С. 58.

²⁵² Там же. С. 57.

²⁵³ Данилевич Е. Поколение промахнувшихся? Писатель Даниил Гранин — о войне и мире // Аргументы и факты. 2016. 27 янв.

²⁵⁴ Боброва Е. Даниил Гранин: Моя война пахнет страхом и солдатским потом // Российская газета : [интернет-портал]. URL: <https://rg.ru/2012/11/27/granin.html> (дата обращения: 12.09.2020).

Гранин будто бы иронизирует над своими ощущениями, но и не скрывает этого разлома, этого парадокса. И тема примирения-прощения для него с 1990-х становится доминирующей в осмыслении. (Весной 2017 года была издана последняя книга Даниила Гранина «Она и всё остальное», которая косвенно касается военной темы — роман был написан в первую очередь о любви. Сюжет — отношения ленинградского инженера и немки, изучающей наследие гитлеровского архитектора Шпреера.)

Осмысление, анализ «сложных вопросов истории» — сквозная тема публицистики Гранина. Первым, и драматическим, опытом, оставившим нестираемый след в его жизни, стала «Блокадная книга». Собственно, впервые с рефлексией на «невыговоренную» историю, на заглушаемую официозом трагедию он столкнулся в 70-е годы, когда с белорусским писателем-фронтовиком Алесем Адамовичем начал работать над ставшей всемирно известной «Блокадной книгой». Следует заметить, что инициатива создания такой книги принадлежит именно Адамовичу, как и огромный труд по «уговариванию» соавтора начать работу, в успех которой тот, по понятным причинам, не верил. (Адамович к тому времени уже имел опыт работы над документальной книгой «Я из огненной деревни», посвященной жителям сожженных гитлеровцами белорусских деревень.) Книга была создана в редком и непривычном для тогдашней литературы (включая документалистику) жанре диалога, приемом фиксации устной истории — это были интервью с пережившими. Интервьюерами тогда выступили Гранин и Адамович, собрав огромное количество устных свидетельств от переживших блокаду. Свидетельств, поражающих не только болью, но и «качеством» переживания и осмысления произошедшего, концентрацией физического и, что, быть может, еще более важно и сложно, духовного, душевного мужества «простых горожан» перед катастрофической реальностью. Книга была нещадно изрезана цензурой, но даже в таком, изуродованном виде была опубликована лишь в 80-х годах. Полностью, без цензурных изъятий (и даже с фотокопиями многочисленных листов рукописи, испещренных пером цензоров) она вышла лишь в постсоветское

время, в 2014 году²⁵⁵. «Жизнь в несовместимых с жизнью условиях сформировала человека иного качества, обладающего неизвестным дотоле духовным и физическим опытом противостояния расчеловечиванию. Но опыт этот в условиях советской системы остался практически не востребуемым. Это была арестованная память целого города... Так началась очень болезненная, но совершенно необходимая *активация памяти* (курсив наш. — Авт.), нужная и самим носителям этой памяти, и поколениям, не имевшим реального и трансцендентного опыта блокады», — отмечает исследователь творчества Гранина и редактор его книг Н. Соколовская²⁵⁶. Вот эта «активация памяти» в последние годы жизни стала доминантой публичных выступлений Гранина — как монологических (лекций, докладов, выступлений на политических форумах), так и диалогических — в беседах с журналистами. Произошедшее потом — когда на каждом шагу подготовки рукописи к изданию цензура безжалостно вымарывала важнейшие сюжеты, когда книгу, даже прошедшую жернова цензуры, запретили издавать в Ленинграде — достойно отдельной книги. И в январе 2021 года такая книга вышла — «Люди хотят знать», посвященная тому, как создавалась «Блокадная...». Она основана на материалах из личных архивов А. Адамовича и Д. Гранина (включая их переписку, дневники и пр.), Центрального государственного архива литературы и искусства и других документальных коллекций, а также на свидетельствах современников²⁵⁷.

27 января 2014 года, в день 70-летия снятия блокады Ленинграда, Гранин, приглашенный канцлером ФРГ А. Меркель, выступал в бундестаге на Дне памяти жертв нацизма. Писатель-фронтовик появился в зале немецкого парламента в сопровождении Меркель (которая еще не вполне оправилась от недавней травмы и пришла на заседание на костылях), президента ФРГ Й. Гаука и председате-

---

²⁵⁵ См.: Гранин Д., Адамович А. Блокадная книга. СПб. : Лениздат, 2014.

²⁵⁶ Соколовская Н. «Блокадная книга»: освобожденная память // Гранин и Германия. Трудный путь к примирению. С. 106.

²⁵⁷ См.: «Люди хотят знать» : история создания «Блокадной книги» Алеся Адамовича и Даниила Гранина / сост. Н. Соколовская. СПб. : Изд-во «Пушкинского фонда», 2021.

ля бундестага Н. Ламмерта. Он шел к трибуне не спеша, походкой человека, взявшего на себя тяжелую, но почетную ношу.

Такой она и была, эта миссия, — рассказать о великом событии 70-летней давности, которое так и не превратилось в привычную «дежурную» дату. Силой своего слова, энергетикой личных воспоминаний ленинградец Даниил Гранин приблизил участников европейского «часа Памяти», организованного бундестагом, к той незабываемой правде о блокаде его родного города. К правде о том, какой ценой город сохранил себя и свое достоинство. Это была не лекция и не доклад. Это был рассказ пережившего и победившего. Собственно, Гранин сказал это в первых строках своего выступления: «Я буду говорить как солдат»²⁵⁸.

Автор этой главы сидела в ложе для гостей перед началом «часа Памяти» и слышала, как взволнованно переговаривались блокадники с медалями «За оборону Ленинграда» на груди, ветераны Великой Отечественной, узники фашистских гетто и концлагерей, видела, чувствовала, какая энергетическая волна памяти и сопереживания накрывает зал. «Мы склоняем головы перед жертвами этой войны, перед всеми погибшими и замученными, перед всеми, кого преследовали за политические убеждения, расовую принадлежность, перед всеми, кто перенес тяготы принудительных работ и ужасы лагерей для военнопленных, — говорил президент бундестага. — Но нас все эти десятилетия не оставляет вопрос: как стало возможным такое расчеловечивание?» Передавая слово Даниилу Гранину и благодаря его как за мужество на фронте, так и за создание вместе с Алесем Адамовичем «Блокадной книги», Норберт Ламмерт подчеркнул: правду о блокаде Ленинграда долгое время не знали на западе Германии, символом войны на Восточном фронте для немцев был лишь Сталинград. В несколько ретушированном виде о блокаде узнавали в ГДР. Правду о блокаде во всей ее полноте необходимо знать всем, и не только в Германии. «Вы писали, что путь к примирению занял у вас гораздо больше времени, чем длилась сама война, — подытожил

---

²⁵⁸ Кантор Ю. Переживший и победивший. Овации в бундестаге после выступления Даниила Гранина длились семь минут // Российская газета : [интернет-портал]. 28.01.2014. URL: <https://rg.ru/2014/01/28/bundestag.html> (дата обращения: 12.09.2020).

председатель бундестага. — Я благодарен, что вы все-таки проделали этот путь и сегодня вы здесь»²⁵⁹.

Гранин говорил как солдат — не как завоеватель, но как освободитель. Он вспоминал:

На стенах Рейхстага еще читались надписи наших солдат, среди них запомнилась мне одна примечательная: «Германия, мы пришли к тебе, чтобы ты к нам не ходила». За эти годы я стал другим. У меня появились в Германии друзья. Здесь переводили и издавали много моих книг. Процесс примирения был не прост. Ненависть — чувство тупиковое, в нем нет будущего. Надо уметь прощать, но надо уметь и помнить. Вспоминать про годы войны тяжело, любая война — это кровь и грязь. Но память о погибших миллионах, десятках миллионов наших солдат необходима. Я только недавно решился написать про свою войну. Зачем? Затем, что в войну погибли почти все мои однополчане и друзья, они уходили из жизни не зная, сумеет ли мы отстоять страну, выстоит ли Ленинград, многие уходили с чувством поражения. Я как бы хотел им передать, что все же мы победили и что они погибли не зря. В конечном счете всегда торжествует не сила, а справедливость и правда²⁶⁰.

В этом — творческое и, вероятно, человеческое кредо Гранина.

Таким образом, диалог Д. А. Гранина сквозь поколения, раскрытый в интервью с ним, содержит в себе отзвуки его самопознания и самоанализа, свидетельствующие о непрекращающемся процессе познания писателем самого себя, как сам же он и признавался: «Не всегда удастся, сами поиски себя уже доставляют удовлетворение, и ты становишься другим»²⁶¹. Вот эта способность Гранина — не изменяя себе становиться другим — и стала лейтмотивом диалога, залогом его внепоколенческой успешности. Используя

---

²⁵⁹ Кантор Ю. Переживший и победивший.

²⁶⁰ Там же.

²⁶¹ Боброва Е., Виравов И. Гранин любви. Страна нуждается в людях, к которым прислушиваешься, даже если они говорят шепотом // Российская газета : [интернет-портал]. 12.06.2017. URL: <https://rg.ru/2017/06/08/daniil-granin-sami-poiski-sebia-uzhe-dostavliaiut-udovletvorenie.html> (дата обращения: 07.01.2021).

формулировку замечательного философа и историка, героя французского Сопротивления Марка Блока, можно сказать, что на протяжении всей жизни Гранин, размышляя над «сложными вопросами истории», в том числе и той, актором которой сам он был, сдавал «экзамен совести»²⁶². Делал это добровольно, без ретуши времени, без умолчаний, нередко — беспощадно по отношению к пережитому и к самому себе. Иначе такой экзамен сдать невозможно.

Глава 7 «ЗАМОЛЧЕННОЕ ПОКОЛЕНИЕ»: СУДЬБА ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ ПОСЛЕВОЕННОЙ ЛИТЕРАТУРНОЙ ЭМИГРАЦИИ В ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКЕ

Поэтесса Валентина Синкевич признавала: «Русской эмиграции, можно сказать, повезло: одна волна сменяет другую, образуя преемственность, без которой не может продолжительно жить ни одна культура вне языковой среды»²⁶³. Именно русский язык, религия, символные ритуалы и памятные даты, художественная литература были важными компонентами сохранения национальной идентичности и исторической памяти разных поколений людей, объединенных единым кодом языка и культуры.

В отечественной историографии давно идет дискуссия об образе «сыновей эмиграции» (младоземigrants) как «поколении отчужденных» (определение З. Шаховской), как «незамеченном поколении», «поколении неудачников» (определение В. Варшавского) или, наоборот, «удачливых» и «счастливых» (Л. Ливак, И. Каспэ). Им противостоит образ «замолченного поколения» (В. Синкевич) — людей, родившихся и живших в Советском Союзе, а затем, накануне или во время войны, попавших на Запад. О людях этого поколения, о котором знают крайне мало, Валентина Синкевич (в годы войны

²⁶² См.: Блок М. Апология истории, или Ремесло историка. М. : Наука, 1973. С. 8.

²⁶³ Чайковская И. Какие нынче времена. Нравственные и социальные коллизии современности: эмиграция, национальный вопрос, моральные тупики : Статьи. Эссе. Интервью. Baltimore : Seagull Press, 2008. С. 37.